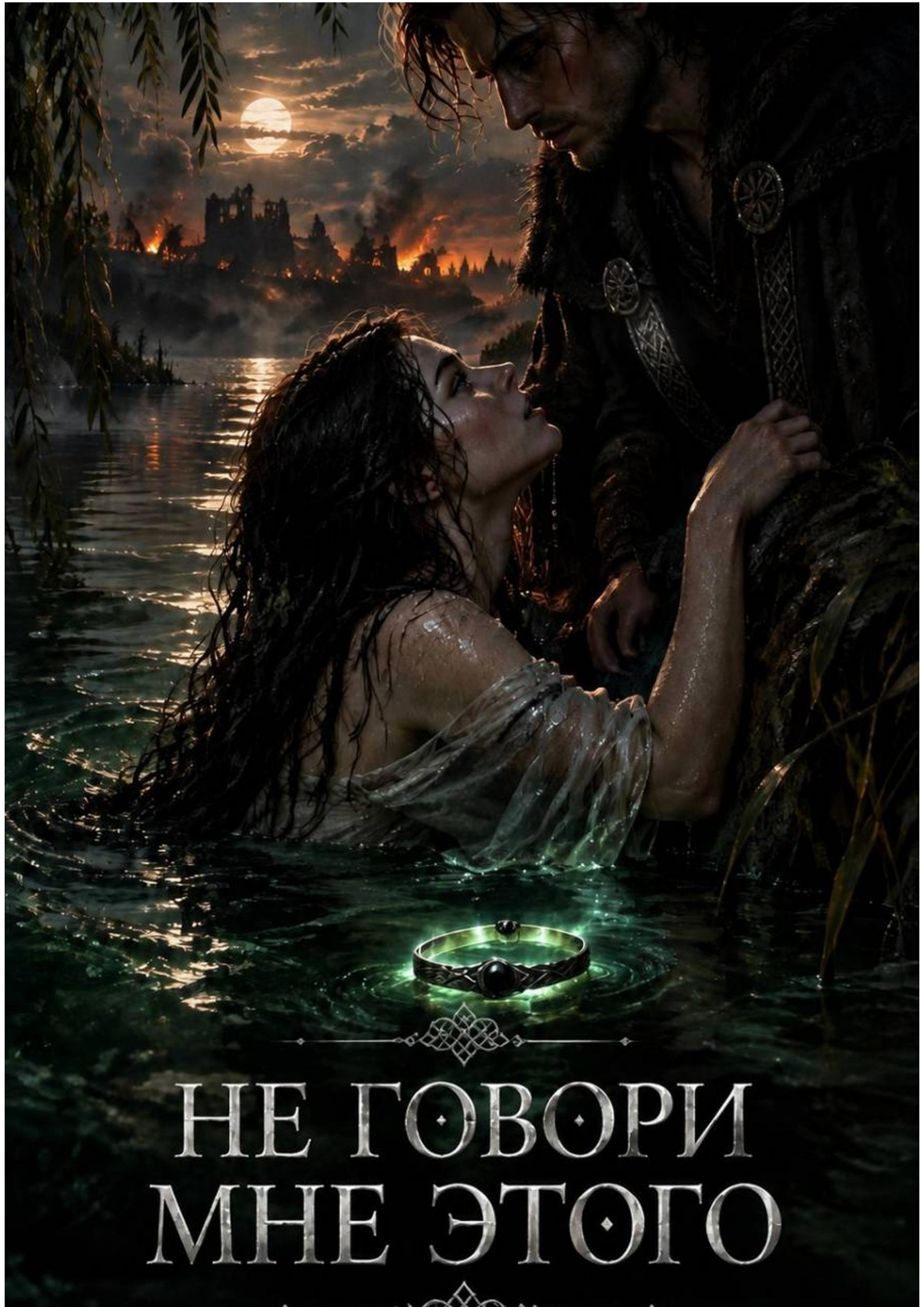

НЕ ГОВОРИ
МНЕ ЭТОГО

Анна Алекс

Не говори мне этого

«Автор»

2026

Алекс А.

Не говори мне этого / А. Алекс — «Автор», 2026

Ратибор украл невесту у колдуна на жертвенном костре и получил за это проклятие: они никогда не смогут быть вместе. Если он скажет ей одно слово — она умрёт. Если она скажет его ему — умрёт он. Девятьсот лет Ратибор ищет её в разных жизнях, находит, теряет и ищет снова. Девятьсот лет она умирает молодой, не помня ничего. Девятьсот лет серый кот по имени Баюн смотрит, как разворачивается история, которую сам когда-то начал. Но в 2019 году всё меняется. Ратибор находит её живой, взрослой, врачом — и она помнит всё. И оказывается, что единственный способ разорвать проклятие — это отдать самое дорогое: бессмертие ради одной короткой смертной жизни вместе. Это история о том, что вечность — это не счастье, а тюрьма. О том, что смерть — это не конец, а освобождение. И о том, что настоящая любовь — это не слова, а выбор умереть рядом с человеком, которого ты любишь.

© Алекс А., 2026

© Автор, 2026

Анна Алекс

Не говори мне этого

НЕ ГОВОРИ МНЕ ЭТОГО

роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ

1. РЕКА

Я помню воду.

Прежде лица, прежде имени, прежде всего остального — воду. Рось в тот год стояла высокая, мутная от таявших верховых снегов, а к июлю отстоялась, стала зелёной и тихой, и в ней отражались ольхи так подробно, что можно было пересчитать листья.

Мне было двадцать два. Я вёл с полудня чужого коня в поводу — своего я потерял на переправе, — и шёл вдоль берега, потому что берегом короче, а мне надо было к вечеру добраться до Радогоща, поклониться старейшине Радомиру и продать ему свой меч на три года вперёд. Отца моего убили, дом мой сожгли, род мой рассыпался, как сухая земля в кулаке, и всё, что у меня оставалось, — это умение убивать людей лучше, чем они умели убивать меня.

А потом расступился ивняк, и я встал.

Она выходила из воды.

Не шла — именно выходила, как выходит заря: сначала свет, потом всё остальное. Вода стекала по плечам, по спине, собиралась в ямке над ключицей и падала оттуда тяжёлой каплей. Мокрые волосы она держала на весу, отжимая их двумя руками, и от этого движения всё её тело было натянуто, как струна на гуслях, — от запястий до пяток. На мелководье под ногами у неё стояло облако взбитого песка. Кувшинка прилипла к бедру, и она её не замечала.

Я не был мальчишкой. Я к тому времени видел достаточно женщин, чтобы не терять голову от вида голого тела. Но здесь было другое. Здесь было узнавание. Как будто я двадцать два года шёл по чужой земле и вдруг увидел свой дом — и понял, что это дом, хотя никогда его раньше не видел.

Она обернулась.

Я должен был отвести глаза. Отвернуться, кашлянуть, отойти. Я стоял и смотрел.

И она — не закричала. Не присела в воду, не потянулась за рубахой на камне. Она смотрела на меня через десять шагов зелёной воды, и на лице её было то самое, что я чувствовал у себя в груди: удивление без страха.

— Ты кто? — спросила она.

— Ратибор, — сказал я. — Сын Гостомысла.

— Отвернись, Ратибор, сын Гостомысла.

Я отвернулся. Слышал, как она выходит, как шуршит по мокрому телу холстина, как отжимает косу.

— А ты кто? — спросил я в ольхи.

— Заряна, — сказала она у меня за спиной. — Дочь Радомира. Ты пришёл к отцу?

— К отцу.

— Тогда я тебе не завидую, — сказала Заряна. — И себе не завидую тоже. Можешь повернуться.

Я повернулся. Она стояла, обхватив себя руками за локти, и в её лице уже не было того утреннего света. В нём была взрослая, спокойная беда — как у человека, который давно знает срок.

— Мне семнадцать, — сказала она, будто отвечала на вопрос, которого я не задал. — На Купалу мне будет восемнадцать. Восемнадцать — это срок.

— Какой срок?

— Спроси у отца, — сказала она и пошла к городищу, и на седьмом шаге остановилась, и, не оборачиваясь, добавила: — Только не сегодня. Сегодня пусть будет просто река.

2. ДОГОВОР

Я узнал всё на третий день, и не от Радомира — от старой бабки Волчихи, которая плела под навесом сеть и говорила ртом, в котором не хватало половины зубов.

Восемнадцать лет назад на Радогощ пришёл мор. Дети умирали за два дня, взрослые — за четыре. Радомир потерял мать, брата, двух сыновей и молодую жену, что была на сносях. Когда он остался один в доме с новорождённой девочкой на руках, к нему в дверь постучали.

Его звали Чернец.

Он не был стар — бабка так и сказала: «не старый и не молодой, как будто ему всё равно». Он вошёл, поглядел на девочку, что уже синела, и сказал: я сниму мор со всего городища, и с твоего рода, и с этой девки. А когда ей будет восемнадцать — приду и возьму её. Не в жёны. Возьму — и всё.

И Радомир согласился.

Я потом много раз, за много веков, пробовал его за это ненавидеть. Не получилось. Я видел, как люди подписывают и хуже, и за меньшее, и даже без мора у порога.

Мор ушёл в ту же ночь. И восемнадцать лет Радогощ жил сытно и тихо, а Заряна росла, и все знали, чем за это плачено, и никто ей не говорил, а она всё равно знала — потому что все смотрели на неё как на озимое поле: жалко, а сеять надо.

За тринадцать дней до Купалы я пришёл к Радомиру и сказал, что возьму его дочь в жёны.

Он посмотрел на меня долго, и я увидел, что он не удивился. Он налил себе, выпил, не поморщившись, и сказал:

— Не выйдет, малый.

— Выйдет.

— Не выйдет, — повторил он. — Я ему не жену обещал. Я ему её обещал. Он не за телом пришёл, он за словом пришёл. Слово нельзя переписать.

— Слова пишут люди, — сказал я. — А люди умирают.

— Только не он, — сказал Радомир и налил вторую. — Уходи, Ратибор. Ты хороший мечник. Мне через год воевать с торками, ты мне нужен живой.

Я не ушёл.

Двенадцать дней мы с Заряной виделись у реки. Каждый вечер. Мы почти не касались друг друга — только раз она положила голову мне на плечо, и я сидел не дыша, как будто у меня на плече спала птица.

Мы говорили обо всём, кроме одного.

— Скажи мне, — попросила она на одиннадцатый день.

— Что?

— Ты знаешь что.

— Скажу, — ответил я. — Когда увезу тебя. Первое, что скажу.

— Дурак, — сказала Заряна нежно. — Слова надо говорить сразу. Вдруг потом не будет времени.

Господи. Если бы я знал.

3. КРАЖА

Ночь на Купалу.

Чернец пришёл к закату, один, без коня, по воде — так мне рассказывали после, и я не верил, а потом видел его ходящим по воде через девять веков и поверил задним числом. Городище встретило его молча. Мужики стояли по обе стороны улицы, опустив глаза, женщины держали детей за плечи. На берегу, у самой воды, разложили костёр — не купальский, другой, узкий и белый, и Радомир сам вывел к нему дочь в белой рубаше с распущенными волосами.

Я ждал в ольхах, на своём месте, где двадцать дней назад впервые её увидел.

У меня было: меч, нож, два коня, привязанных за поворотом, и полная, мальчишеская, ослепительная уверенность, что мир нельзя устроить так подло, чтобы у меня её отняли.

Я взял её у самого костра.

Дальше — обрывки. Я до сих пор вижу их не подряд, а как разбитую посуду: вот моё плечо сбивает с ног Радомирова гридня; вот лицо Заряны, белое, с расширенными глазами, и то, как она сама, без моей помощи, вскакивает мне за спину на коня; вот кто-то держится за стремя, и я рублю по пальцам; вот огонь белого костра идёт волной вбок, против ветра, и сквозь эту волну ко мне выходит Чернец.

У него было гладкое, почти доброе лицо. Тёмные глаза без блеска — не как у человека, а как у воды в колодце. Он не кричал. Он смотрел на меня с любопытством — и вот это любопытство было страшнее всего, что я видел на войне.

— Отдай, — сказал он негромко.

— Возьми, — сказал я и ударил.

Меч вошёл ему в грудь. Я это помню точно, я этим мечом за жизнь ударил больше двухсот раз и знаю, как входит железо в человека. Оно вошло. И ничего не случилось.

Чернец опустил глаза на клинок в себе. Потом поднял их на меня — и улыбнулся так, как улыбаются ребёнку, который дерётся с горой.

И сказал.

Он говорил тихо, но слышали все — и в городище, и, клянусь, за рекой:

— НЕ БЫТЬ ВАМ ВМЕСТЕ. НИ В ЭТОЙ ЖИЗНИ, НИ В ИНЫХ, СКОЛЬКО БЫ ИХ ВАМ НИ ОТМЕРИЛИ. А ЕСЛИ КТО ИЗ ВАС СКАЖЕТ ДРУГОМУ СЛОВО ЛЮБВИ — ТОТ СЛОВОМ СВОИМ И УБЬЁТ. ПЕРВЫЙ СКАЖЕТ — ВТОРОЙ УМРЁТ. И ТАК БУДЕТ ВСЕГДА, ПОКУДА Я САМ НЕ ОТПУЩУ.

Я вырвал меч, ударил коня и уехал.

И — пусть мне это зачтётся или не зачтётся, но я скажу правду — я засмеялся.

Я ехал сквозь ночь, у меня за спиной, прижавшись лицом к моей лопатке, сидела живая, тёплая, моя, и мне было двадцать два года, и я только что воткнул меч в колдуна и увёз его добычу. Проклятие? Пусть себе. Слова — это слова. Мы придумаем, как жить без одного слова. Мы и так двенадцать дней жили.

Какой же я был счастливый, Господи.

4. НОЧЬ

Мы встали в овраге у старой мельницы, в четырёх верстах от брода, где нас, как я думал, не найдут до утра, а к утру мы будем у Днепра.

Она смеялась. Вот что я помню лучше всего: она смеялась, отжимая подол, и у неё дрожали руки, и она смеялась над тем, что они дрожат.

Про костёр, про Чернеца, про то, что нас убьют, — ни слова. Только один раз, когда я расстилал плащ, она сказала мне в спину:

— Он ведь не шутил.

— Я знаю.

— Значит, ты мне никогда не скажешь?

— Никогда, — сказал я. — Я тебе покажу.

И показал.

О той ночи я не расскажу подробно — не потому, что мне стыдно, а потому, что это единственное, что осталось у меня целиком моим за тысячу лет. Скажу только: она не была ни робкой, ни умелой, она была жадной — жадной до жизни, как человек, который знает, что срок вышел вчера. Её пальцы у меня в волосах. Соль на её коже. Овраг, и туман по дну оврага, и то, как она смотрела на меня снизу, сквозь свои растрёпанные волосы, серьёзно и удивлённо, будто пересчитывала моё лицо, чтобы запомнить.

А потом, уже к утру, когда мы лежали мокрые и тихие, и над нами стояли звёзды, и мельничное колесо где-то далеко скрипело в темноте, — она тронула меня двумя пальцами за нижнюю губу и сказала:

— Я тебя люблю.

Просто так сказала. С нежностью и упрёком. Как будто поставила точку в нашем споре.

Я хотел зажать ей рот, но я был счастлив и медлителен, и я не поверил. Вот в чём дело: я не поверил. Мне было двадцать два года, и в моём мире слова не убивали.

Сначала ничего не случилось.

Потом у меня в груди — не заболело, нет. Стало пусто. Как будто оттуда вынули горячий ком и оставили сквозняк. Я успел увидеть, как меняется её лицо. Успел услышать топот.

Их было восемь. Радомировы. Впереди — тот, которому я вечером рубанул по пальцам, с обмотанной рукой, и по этой руке я понял, что пощады не будет.

Я встал. Я даже успел поднять меч. И не смог его удержать — рука не сжалась. Я стоял голый в мокрой траве, с мечом, который выпадал из пальцев, и смотрел, как на меня идут восемь человек, и знал — впервые за всю жизнь точно знал, — что не смогу.

Первый удар был в бок. Второй — в спину, когда я уже падал.

Я не слышал, как она кричала. Вот это, наверное, милосердие: я её крика не слышал. Я видел только траву очень близко, каждую травинку отдельно, с росой на каждой, и чей-то сапог, и как её волокут вверх по склону оврага, и её вытянутую руку с растопыренными пальцами, и как эта рука исчезает за краем.

5. КОТ

Я пришёл в себя через сутки.

Это я потом узнал — что через сутки; тогда я просто открыл глаза и увидел над собой те же звёзды, только сдвинутые, и понял, что не могу пошевелиться, потому что у меня на груди сидит тяжесть.

На мне сидел кот.

Огромный, серый с подпалинами, с рваным правым ухом и такой мордой, будто ему всё на свете уже объяснили и он остался недоволен. Он сидел точно на том месте, где во мне была дыра от меча. Я это чувствовал: дыра была, я помнил, как она открывалась. А теперь под котом была просто кожа.

Кот зевнул. Потом посмотрел мне в глаза и сказал человеческим голосом, чуть шепеляво:

— Не стоит благодарить.

Я не закричал. Я вообще плохо соображал. Я сказал:

— Ты кот.

— Наблюдательность — редкий дар, — сказал кот и сошёл с меня, тяжело, всеми четырьмя, нарочно наступив мне лапой на солнечное сплетение. — Баюн. Можно Бай. Лежи. Ты только что умер, это утомляет.

— Я не умер.

— Ты умер, — сказал Баюн, садясь рядом и обворачиваясь хвостом. — Двадцать восемь часов назад. Тебя убили восемь человек, и, честно говоря, справились бы и трое. Ты был пуст, Ратибор. Из тебя вынули жизнь словом, а железом уже так, для порядка.

Я сел. Меня вырвало. Кот терпеливо ждал.

— Где она?

— Дома. Живая. Запертая. Отец её лупил, но не сильно — товар портить нельзя.

Я встал. Пошатнулся, нашёл в траве меч.

— Ты хоть спроси, — сказал кот у меня за спиной, — почему ты дышишь.

— Потом.

— Не будет «потом», — сказал кот. — Ты меня не слушаешь, и мы из-за этого потеряем девятьсот лет. Ладно. Иди. Всё равно пойдёшь.

Я шёл до утра и полдня, и меня трижды выворачивало по дороге, и я всё равно шёл быстрее, чем мог. К Радогощу я вышел, когда солнце стояло над рекой.

Городища не было.

Знаете, как выглядит сгоревшее дотла жильё через сутки? Оно выглядит аккуратно. Вот что меня тогда сломало — не ужас, а аккуратность. Чёрные квадраты на месте домов. Печи, стоящие голыми, как надгробья. Тихий-тихий пепел, который лежит ровно, потому что ветра не было. И тела — тоже как-то ровно, местами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.